

Рецензия на книгу Дэвида Гребера «Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии»

Гребер Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии / Дэвид Гребер; пер.: А. Дунаев. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. — 224 с. — ISBN 978-5-91103-315-6.

Англо-американский антрополог Дэвид Гребер известен российскому читателю по переводам двух его книг: «Фрагменты анархистской антропологии» (2004, рус. изд. 2015) и «Долг: первые 5000 лет истории» (2011, рус. изд. 2016). Он также интересен своими пролегоменами к новой левой теории капитализма. Новая книга Гребера «Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии» (2015) добралась до России быстрее своих предшественниц.

Иллюстрируя свои аргументы и теоретические построения, Гребер приводит яркие, интересные и нетривиальные примеры. Так, он обращается к истории сказки «Удивительный волшебник из страны Оз», являющейся на самом деле иносказанием о марше фермеров на Вашингтон с требованием отказаться от золотого стандарта. Здесь ведьмы Востока и Запада — аллегории банкиров Западного и Восточного побережья США, Железный Дровосек — бессердечный пролетариат, не поддержавший фермеров, Трусливый Лев — жалкий политический класс. Блестяще подобранные примеры и излагаемые в книге истории должны, по мысли автора, поставить под сомнение не только эффективность, но и саму необходимость бюрократии.

Следуя в магистральном русле постмодернистской антропологии, Гребер предельно свободно определяет предмет и объект своего исследования. Аксиоматика его дисциплины позволяет

ему строить критические аргументы, адресуясь к бюрократии то как к локальности конкретных мест, где работают бюрократы, то как к сообществу, то как к особым ситуациям, в которые вовлекаются идеи (важная часть книги — рассказ о роли бюрократии в научно-техническом прогрессе) и обычные люди, то как к материальным артефактам, обладающим принудительной силой. Бюрократия Гребера многолика и делится из разных материалов, и сказать о ней можно лишь однозначно — что она есть только институт, или только практика, или только язык, или словарь, или, например, только вещь, бумажная анкета — нельзя.

Книга представляет собой сборник из почти эссе, и непосредственное отношение к бюрократии имеют только четыре из них (пятое — это переработанная Гребером статья о фильме Кристофера Нолана «Темный рыцарь: возрождение легенды» из журнала *New Inquiry*), а их тематика почти ничем, кроме «бюрократии» как сквозного мотива размышлений автора, не связана.

Гребер посвятил первую главу «Утопии правил» артефактам бюрократического делопроизводства, точнее, формам сбора индивидуализированных данных (анкетам и заявлениям). Эта глава представляет собой переработанную версию одной из самых известных статей Гребера «Мертвые зоны воображения» (*Dead zones of the imagination*, 2012) и является антропологическим «ядром» книги.

Гребер-антрополог рассматривает возможности изучения бюрократии в двух направлениях. Первое — проблема эпистемологической возможности исследования ее артефактов в антропологической оптике. Второе — структуралистский анализ того, что является приводным механизмом этих артефактов, содержащий оммаж (термин К. Б. Гаазе¹) в адрес Клода Леви-Стросса. Первое направление Гребер признает бесперспективным, тупиковым: «Даже когда формуляры сложны или умопомрачительно сложны, их замысловатость складывается из наслоений очень простых <...> элементов, наподобие лабиринта <...> Как и лабиринт, бумажная волокита не открывает ничего, выходящего за ее рамки». Сам дизайн бюрократических форм настолько эстетически убогий и захватывающий, что антрополог не может включить воображение, глядя на них. Именно поэтому «насыщенное описание» таких артефактов в духе Гирца невозможно. Гребер начинает движение в другую сторону: к онтологии бюрократических артефактов. Если «полиция — это бюрократия с оружием», то «оружие» бюрократов — бумажки, те самые анкеты и формуляры. Они физически оглушают заполняющих их людей, они — агенты «структурного насилия», их задача — выключить воображение не только у антрополога, но и у любого, кто имеет с ними дело. Для Гребера нет большой разницы между ударом дубинкой по голове и отключением воображения.

Конечно, Греберу здесь можно возразить, что «плоские» бессмысленные бюрократические артефакты обрастают смыслами, оттенками значений,

¹ Гаазе К. Б. Разведка боем: на подступах к левой теории бюрократии. Рец. на кн.: Гребер Д. (2016) Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии, М.: Ад Маргинем Пресс // Социология власти. 2016. Т. 28 № 4. С. 195—203. DOI: 10.22394/2074-0492-2016-4-195-203.

становятся культурными феноменами в локальных сообществах, хотя, по мысли Гребера, это просто невозможно — они лишь знаки «структурного насилия», а не повод для работы воображения. Кроме этого, Гребер полностью игнорирует, например, важное различие между государственной бюрократией и корпоративной. И смыслы, и эстетика, и эмоции свойственны не только самим артефактам, но и культуре, в которой эти артефакты производятся.

Между тем различие между бюрократическими практиками прослеживается с очевидностью. Одна из них говорит на языке борьбы за политическую власть, запутанных интриг и сведения счетов. Другая — на языке прибыли, убытков и калькуляции рисков (Гребер приводит в качестве примера бланк заявки на получение ипотечного кредита). Государственные бюрократы и наемные сотрудники банков и ипотечных компаний живут в разных культурах. Вероятно, Греберу, как другим ученым-антропологам, стоит титанических усилий, являясь одновременно бюрократическим актором, отстраниться от бюрократической рутины, чтобы надлежащим образом ее изучить. Анкеты, документы служебной переписки, формализованные заявки и т. д. становятся для антропологов в каком-то смысле «аналитически невидимыми».

Третья глава «Утопии правил» посвящена описанию философских оснований критики бюрократии. Этой главе нельзя отказать в оригинальности и новизне. В тотальной бюрократизации социальной жизни виновны, по мнению Гребера, пифагорейцы. Представители этой философской школы «стали считать ценностью рациональность сама по себе». Именно пифагорейцы придумали тот способ мыслить о мире, благодаря которому бюрократия стремится

«превратить себя в грандиозную космологическую схему». Платон, обобщивший и систематизировавший их программу, оказал «огромное влияние» на позднюю античность и Возрождение. Спустя две с половиной тысячи лет после запуска пифагорейского проекта немецкая почтовая служба стала материальным воплощением «рациональной эффективности» и достижимости идеала связного и упорядоченного космоса. По мнению Гребера, гладко работающая, быстро растущая служба ввела в искушение и Макса Вебера, и Ленина: «Устройство Советского Союза было напрямую скопировано с германской почтовой службы». Иначе говоря, теоретическим источником господства бюрократии стала, на взгляд Гребера, идея пифагорейцев о том, что «космос рационален <...> является выражением принципов чисел, степеней и выборов, и когда человеческий ум <...> использует силу разума, он лишь участвует в этом широком рациональном порядке».

Таким образом, пригодная для раскрытия механизмов рооли «структурного насилия» структуралистская аксиоматика, которую Гребер использует в первой главе книги, оказывается родственной аксиоматике «рациональности», которая стала фундаментом торжества бюрократии. Однако нельзя не заметить, что любой современный язык описания и говорения, могущий быть признанным научным, так или иначе содержит в себе презумпцию рациональности. Безотносительно роли пифагорейцев рациональность как идея неизбежно будет роднить научную теорию и бюрократическую практику.

Гребер как левый критик бюрократии, как идеолог движения «Захвати Уолл-стрит», рисует убедительную, печальную и весьма достоверную картину заката современных управленческих

практик как таковых. Согласно этой картине, ни корпоративная бюрократия, изменившая союзу с рабочими в пользу союза с инвесторами, ни государственная бюрократия, частично сливающаяся с корпоративной благодаря политике «вращающихся дверей» (чиновники беспрепятственно уходят с госслужбы в корпорации и возвращаются обратно), не способны сегодня решать те задачи, которые обещали решить.

Вне зависимости от того, в каком именно положении застывает в каждый конкретный момент политический маятник — превозносят политики дерегулирование или, наоборот, регулирование, — «бюрократический популизм» не меняет своей сути. Дистопия в такой оптике не жанр фантастической литературы, а грустная реальность, обнаружить которую можно не только в собственном опыте, но и в литературе, кино, в книгах, фильмах, детских играх и учебниках грамматики.

«Белый рыцарь», который может и должен победить многоликую бюрократию, — это воображение. Гребер понимает его как живую социальную силу, противостоящую насильно и принуждению. Воображение — корень инноваций и кладезь бесконечного множества партиципаторных практик. Это одна из самых интересных мыслей Гребера, достойная детального продумывания и обстоятельных дебатов. По мнению Гребера, чтобы освободить воображение, нейтрализовать подавляющий его бюрократический аппарат, нужен бунт. Бунт расширяет горизонты возможного и открывает простор для «практического воображения» и создания «небюрократического социального порядка».

Схожий ход мысли привел мятежных студентов Сорбонны в 1968 г. к идее каждые сутки выбирать новых руководителей, чтобы те не успевали привыкнуть

к власти или обрасти аппаратом. Ключ к успешному бунту — прямое гражданское неповиновение, протесты, аналогичные по форме «арабской весне», протестам в Греции и действиям движения «Захвати Уолл-стрит». Самой действенной тактикой Глобального движения за справедливость стала осада, в которую протестующие помещали места проведения саммитов ВТО и МВФ, и эти осады оказали «магическое действие».

Однако что делать после бунта? Гребер, уповая на «практическое воображение», фактически повторяет ход мыслей Ленина, произнесшего спустя 10 дней после Октябрьской революции свою знаменитую фразу: «Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности»; советская пропаганда упоминала о ней каждый раз, когда партия нуждалась в обосновании курса на мемуары и возвращение к ленинизму.

Но известны и аргументы против такой программы. Слова философа-коммуниста Люсьена Гольмана, напомнившего в феврале 1969 г. о полемике с Фуко Лакано, написанном на лекции в одной из аудиторий Сорбонны Лозунге «Структуры не выходят на улицы», до сих пор способны остудить пыл мечтателей, уповающих на ненасильственные практики обуздания темных сторон человеческой природы. До тех пор, пока не будет придуман хотя бы в теории

способ совместить идеал «благой жизни» коллектива с отказом от насилия в отношении его заблудших членов, «практическое воображение» скорее будет приводить к погромам и гражданской войне, как это случилось на площади Тахрир или, например, в Ливии, чем к появлению новых форм общественной кооперации. Однако, и это самое важное, книга Гребера «Утопия правил» безусловно является значительной вехой на пути к появлению такой теории.

Эта книга необычайно актуальна, так как до сих пор мы задаемся вопросами о том, откуда появилась тяга к бюрократии, бесконечным правилам и уставам, как так получилось, что сегодня мы тратим массу времени, заполняя различные формуляры, и действительно ли это шифр к разгадке сути государственного насилия. Дэвид Гребер исследует неординарные связи современного человека с бюрократией и показывает, как эти взаимоотношения формируют нашу повседневность, что делает его книгу своевременной и интересной не только для академиков, но и для обывателя. Гребер показывает, в каких направлениях может развиваться левая критика, которой, по его мнению, бюрократии остро не хватает. Несмотря на весьма унылую тему — бюрократия — автор являет собой поразительно оригинального мыслителя, способного передать сложные идеи остроумно и ясно.

Сост. канд. филос. наук, доцент Н. П. Кнэрт